

ДИАЛОГ ОБ АКТЕРЕ

Григорий КОЗИНЦЕВ — Алла ДЕМИДОВА

Г. КОЗИНЦЕВ. С чего начнем, Алла Сергеевна?

А. ДЕМИДОВА. Если хотите, Григорий Михайлович, с разговора об отношениях актера и режиссера, поскольку, наверное, именно этого от нас и ждут.

Г. КОЗИНЦЕВ. Пожалуй. Только я не очень люблю, когда артисты и режиссеры выступают не сами по себе, а как представители целого творческого цеха.

А. ДЕМИДОВА. Я стараюсь только «от себя»...

Г. КОЗИНЦЕВ. Ну что ж...

А. ДЕМИДОВА. Григорий Михайлович, вы мне скажите, просто ответить на прямой вопрос: что вас не устраивает в актерах? Вот когда вы с ними работаете?

Г. КОЗИНЦЕВ. Вы знаете, мне не хотелось бы начинать с того, что меня не устраивает в актерах. Ведь я же их сам приглашаю, меня никто не заставляет работать именно с этими актерами. Почему же меня в них что-то обязательно должно не устраивать? Когда наступил последний день съемок «Короля Лира», у меня было ощущение горю от того, что я должен расстаться с этой труппой.

Каков в общем обидное положение кинематографического режиссера! Вот он создает ансамбль. У людей свои замыслы, свои особенности, они влияют на режиссера. Ну, и ты пробуешь влиять на них. Появляются какие-то общие вкусы, предметы общей любви и ненависти, все начинают говорить на одном языке, всем интересно работать вместе... И в этот момент ко всему подклеивается надпись: «Конец».

А. ДЕМИДОВА. Ну, хорошо. Я все-таки задам тот же вопрос в другой форме: что вас не устраивает в актерах, когда вы видите их работу в чужих фильмах?

Г. КОЗИНЦЕВ. Но ведь фильмы бывают разные... Если упрощать, то возможны и разные представления об актерах. Одни из них называются любимцами публики, чего в кино добиться не так уж трудно. Молодой человек или девушка, обладающая привлекательной внешностью и некоторыми способностями, умеющие естественно произнести текст, после нескольких картин обретают поклонников в зрительском зале. Начинают продавать их фотографии в киосках, они выступают с творческими вечерами. Так возвращают «любимцы публики». В этом, разумеется, нет ничего страшного.

Но ведь русский театр, да и мировой театр, знал совершенно другие определения: были не любимцы публики, а властители дум. Это, может быть, и слишком высокое определение. Но в любом случае хочется видеть значительность духовного мира актера.

А. ДЕМИДОВА. Вы считаете, что сейчас таких актеров нет?

Г. КОЗИНЦЕВ. Актеров такого уровня не так уж часто, к сожалению, видишь в кино... Скажем, Михаил Ульянов в «Председателе». Серго Захаридзе в «Отце солдата»...

А. ДЕМИДОВА. Григорий Михайлович, простите, что я вас перебиваю, но тогда давайте говорить как профессионалы: не будем повторять ошибок тех критиков и тем более зрителей, которые путают роль, образ и профессиональный уровень актера. Давайте это разграничим и отделим от актера драматургический материал. Потому что одному повезло, что ему достался Трубинов, а другому не повезло. Давайте тогда выясним вот что: почему талантливые актеры в театре добиваются успеха гораздо чаще, чем в кинематографе? Даже если и появляется хорошая роль...

Г. КОЗИНЦЕВ. Да, образ на экране — это не только работа актера, это общий труд сценариста, режиссера и актера. Это верно. Но не совсем.

Вспомним гения русской сцены Щепкина. Мы считаем, что его славу составил Горючий. Увы, нет, как ни странно, посредственный водевиль «Матрос» — Щепкин сыграл в нем за год до «Ревизора»...

Конечно, чем лучше драматургия, тем легче раскрыть себя актеру. Тем не менее история театра показывает, что и не на та-

ком уж глубоком материале актеры создавали ценнейшие характеры, обладавшие огромной силой воздействия. Я приведу пример.

Одна из знаменитейших фигур мирового театра — Робер Магер, образ, созданный в пьесе под тем же названием французским актером Фредериком-Леметром. Как-то я достал и прочитал пьесу. Это очень слабая мелодрама, которую читать сейчас невозможно. Но в свое время впечатлительные от игры Фредерика-Леметра были таким, что Робер Магер стал символом целой эпохи. О нем писали философы и поэты. Домье создал серию гравюр, навеянных игрой актера.

А. ДЕМИДОВА. Григорий Михайлович, я вижу, вы не хотите со мной «выяснить отношения»... Вы улыбаетесь, но скажите: почему некоторые режиссеры считают, что профессиональный уровень западных актеров намного выше, чем профессиональный уровень наших? Почему?

Г. КОЗИНЦЕВ. Но, во-первых, я этого не считаю. И не думаю, говоря о своем опыте, что Юри Ярвет, с которым я работал над образом Лира в «Короле Лире», был меньшим мастером, чем его зарубежные коллеги.

А. ДЕМИДОВА. Но разве вы не слышали жалоб режиссеров, что им не повезло с актерами, что низок уровень профессионализма и так далее? Только у нас есть своя неудовлетворенность. Я слышала в тридцать-сорок-пятидесятых годах, что режиссеры жаловались на недостаток режиссеров. Значит, работала с тридцатью-сорок режиссерами. Они были разные люди и действительно талантливые, но в одном они были похожи. Это «всесущность», что ли, режиссерская. Когда режиссер влезает во все детали: не доверял оператору, строил кадр за оператором, не доверял художнику, не доверял актеру... Он учит актера, понимаете? А актера на съемке научить играть нельзя.

В училищах за четыре года способных людей учат, что профессионально и специально к этому приспособлен, — педагогов. И тем не менее они все равно законченных артистов не выпускают. А режиссер берет девочку без способностей, и думает, что в несколько месяцев может сделать из нее актрису. А когда берет профессионала, то переучивает на свой лад.

Один режиссер учил играть роль так, как он ее себе представляет. Другой — идя от себя, от своей интонации, голоса, даже интонаций. И, пожалуй, ни разу мне не удалось «прорваться», сыграть так, как я хочу. У меня ведь тоже есть какие-то идеи на этот счет. Почему же режиссер мне не доверяет? Почему меня учат даже интонациями?

А. ДЕМИДОВА. Вы знаете, Алла Сергеевна, что делать — увы, все то, что вы говорите, представляется мне абсолютно правильным. Я с вами совершенно согласен. Но я сам так никогда не работаю. Мне кажется, что работать с актером «с голоса», не прислушиваясь к нему, обучать его — это прежде всего страшно обеднить саму режиссерскую работу.

Без представления о том, какой должна быть картина, нельзя ничего начинать. Если нет замысла — системы связанных мыслей, если не ясно, во имя чего вы начинаете работу, лучше выбрать какой-нибудь другой род занятий.

Но люди, с которыми вы вместе работаете, не могут быть лишь исполнителями вашего замысла. Тогда все будет однообразно и мертво. А настоящая жизнь на экране получится лишь тогда, когда каждый художник вложит в общую работу много своего. И задача режиссера, мне кажется, заключается в том, чтобы актер не только не ощущал какого бы то ни было насилия над собой, но чтобы он чувствовал совершенную свободу.

Репетиционный период и важен как раз для того, чтобы узнать не только материал, но и друг друга.

Так было и с Борисом Петровичем Чирковым, когда вместе с Л. Траубергом мы ставили трилогию о Максиме. Много месяцев встречались, вместе придумывали, был очень важен момент импровизации...

Мне кажется, вот в чем у нас путаница. Мы говорим о необходимости совершенства мастера, и это действительно необходимо. Но иногда получается, что речь идет о совершенствовании не мастера, а ремесла. О том, чтобы набить себе руку. А для роста актера важно не только то, что он играет хорошие роли, но и то, что он отказывается от плохих, для исполнения которых достаточного ремесла.

Если актеры играют роли, которые не вызывают у них духовного отклика, играют только профессионально, они обедняют себя. Эти актеры научились между затяжками сигаретой дельтатать какие-то глубокомысленные паузы, что якобы создает значительность характера...

Мы говорим, что нельзя обеднять героев, которых показывают на экране и на сцене. Это очень правильно. Но нельзя, чтобы и духовный мир художника был обеднен. А ведь, выступая в штампованных ролях, актер уничтожает живое начало в себе...

Немало вредят и другие обычные кинопроизводства: отсутствие серьезных репетиций, согласие актера сниматься, приезжая на один день, — все это не помогает совершенствоваться актерское мастерство. Ремесло же при таких условиях действительно можно совершенствовать.

Хотя, надо сказать, даже и при этих условиях, даже в не совсем удачных вещах калибр актера виден. Вот один из лучших наших актеров — Евгений Евстигнеев. Я ни разу не видел, чтобы на экране Евстигнеев плохо играл. Он снимается довольно много, но в каждом даже крохотном его появлении на экране всегда есть что-то живое, что-то от его личности.

А драматургия — еще раз возвращаюсь к тому, о чем мы говорили, — нередко бывает слабой.

Дальше. Мы часто говорим: правильно сыграл. Мне кажется, что слово «правильно» мало что определяет в сегодняшнем искусстве. Если актер играет фальшиво, то он просто профнепригоден. Но ведь и «быть правдивым» мало. Нужно не только быть правдивым, актер должен «докопаться до правды». Вот там, где начинаются глубина мысли и сила чувств, там начинается актерское мастерство.

Вам же кажется, что мы смешиваем понятие мастерства и понятие ремесла?

А. ДЕМИДОВА. Да, ко-

нечно, если понимать под ремеслом только профессиональный уровень, а под мастерством еще и личность художника.

Г. КОЗИНЦЕВ. Я привел в пример Евстигнеева потому, что не всегда дело зависит только от драматургии. Даже несмотря на слабую драматургию, вы удачаваете силу индивидуальности актера.

А. ДЕМИДОВА. Григорий Михайлович, в этом вопросе я совершенно с вами согласна. Ну — абсолютно. Поэтому настоящего спора у нас не получается. Но конфликт между актерами и режиссерами порой все-таки существует.

Г. КОЗИНЦЕВ. Вам все же хочется, чтобы я выступил как представитель режиссерского цеха...

А. ДЕМИДОВА. Да. Давайте попробуем.

Г. КОЗИНЦЕВ. Ну, а что делать, если в собственном цехе мне многое не по душе?.. Я, пожалуй, переметнусь на сторону актеров.

А. ДЕМИДОВА. Тогда поговорим о современном актерском искусстве.

Г. КОЗИНЦЕВ. Ну что же, попробуем... Не кажется ли вам, что сейчас нужно обогатить актерскую палитру?

А. ДЕМИДОВА. В каком смысле?

Г. КОЗИНЦЕВ. Ну, например... Сдержанность — это великая сила в искусстве. Конечно, чем лаконичнее исполнительская манера, чем меньше внешних проявлений чувств у актера, тем лучше. В принципе.

Но в принципе — это одно, а на деле порой бывает другое.

У нас выработался некий средний тон актерского исполнения — внешне естественный, внешне правдивый, внешне ровный, но ведущий к невыразительности. Мы говорим, что сдержанность — это хорошо, и так на самом деле. Ну, а что же нам делать с Анной Мавриной, которая все — несдержанность? Что нам делать с великолепным японским актером Тосиро Мифуна, который играет, условно говоря, на пределе переигрывания? Но переигрывания так нет, потому что его искусство одухотворено и наполнено такой силой страсти, что поражает зрителя.

Не надо забывать и о традициях нашего театра. Поразительными по соединению реализма и гротеска были такие актеры, как Михаил Чехов, Михаил Тарханов. Когда вы следили за их игрой, то видели какую-то причудливую шахматную партию, в которой не могли предвидеть ни одного следующего хода.

А. ДЕМИДОВА. Это — в театре.

Г. КОЗИНЦЕВ. Да. Это было в театре. Но это возможно и в кино. Большинство примеров, которые я вам уже привел, из кино.

А. ДЕМИДОВА. Но в кино это зависит не от актера. Актер в кинематографе поставлен совсем в другие условия. В театре актер может «распределиться» по роли, даже если существует режиссерский диктат, даже если есть какие-то узкие рамки спектакля.

В кинематографе это невозможно. Здесь актер не может «распределиться». Потому что такая система: один кадр в картину, десять — в корзину. И я не знаю, что уйдет в корзину, не говоря уже о дублях. Актер к дублям никакого отношения не имеет, — я не знаю, какой из них войдет в фильм. А ведь порой из картины вылетают целые сцены... Как же актеру расставить акценты в роли так, чтобы роль развивалась, как в театре, чтоб был создан образ?

Это — если говорить о профессиональных актерах. А когда приходит снимать, а то только что с театральной школьной скамьи мальчишки и девчонки? Когда на их хрупкие плечи возлагают ответственность за всю картину и даже за всю студию?

Я недавно была в павильоне. Снимался первый раз актер, играл главную роль. Ему нужно было просто переложить газету со стола на тумбочку и сказать какую-то незначительную фразу... «Хочешь есть?»... Словом, проходной кусок, связка. Но не ладилась съемка, что-то там не было готово, группу лихорадило, приехал директор картины, устраивал скандал, режиссер был в неврозе... И вся ответственность за эту неразбериху и за всю студию, которая может не выполнить план, если картину не закончат вовремя, «свалилась» на бедную голову молодого актера, и он уже не просто так, между прочим, переключал газету. Он в этом куске сыграл всю свою роль...

Актер каждый раз должен доказывать, что он может играть, понимаете? Режиссер снял две-три картины, и уже считается мэтр, условно говоря, на пределе переигрывания? Но переигрывания так нет, потому что его искусство одухотворено и наполнено такой силой страсти, что поражает зрителя.

Не надо забывать и о традициях нашего театра. Поразительными по соединению реализма и гротеска были такие актеры, как Михаил Чехов, Михаил Тарханов. Когда вы следили за их игрой, то видели какую-то причудливую шахматную партию, в которой не могли предвидеть ни одного следующего хода.

А. ДЕМИДОВА. Это — в театре.

Г. КОЗИНЦЕВ. Да. Это было в театре. Но это возможно и в кино. Большинство примеров, которые я вам уже привел, из кино.

потому что, взяв непрофессиональных актеров, надо весь фильм решать в этом ключе, а это уже будет другой жанр. Или профессиональный актер должен играть, как непрофессионал, а у нас все же игровые кинематографы... Когда берут непрофессионального актера, это очень чувствуется.

Г. КОЗИНЦЕВ. И все-таки... Скажем, в «Гамлете» Офелию играла Настя Вертинская. Только после фильма она поступила в настоящую профессиональную школу — Вахтанговское училище и закончила его. Так что, если строго говорить, она не была во время съемок профессиональной актрисой...

Мне кажется, самое трудное в работе с актером — понимать не только профессиональные возможности каждого, что не так уж трудно, а понимать человеческие качества, помочь выявить то, что заключено в каждом. Если есть искорка, то дайте ей разгореться.

Актер — это прежде всего человек, а человек — очень сложный инструмент. Величайшая ошибка режиссера — если он обращается со скрипкой, скажем, как с балалайкой. Это просто грубо. Во время репетиций нужно узнать людей и найти с ними общий язык, а во время съемок надо как можно быстрее «снимать» чтобы кинокамера смогла уловить момент импровизации.

А. ДЕМИДОВА. Знаете, мне очень нравилось работать с Игорем Таланкиным в «Дневных звездах»: тогда на съемочной площадке рождались какие-то новые куски, новые решения. Когда в блокаде у Ольги появилась яблочка, я спрашивала: «Это что — галлюцинация?» «Не знаю, Алла...» — отвечал он, и мне это очень нравилось, потому что я тоже участвовала в творческом процессе...

Но когда режиссер приходит на площадку и каждый раз точно знает, чего хочет: «Ты будешь здесь стоять, камера — там!.. Голову повернуть — туда, фразу — с такой интонацией!» — меня это настораживает.

Г. КОЗИНЦЕВ. Мне кажется, что вы правы. Режиссер должен знать, чего хочет, но он не должен навязывать своих решений.

А. ДЕМИДОВА. Вот, еще об одном. Мне кажется, самое интересное, мало используемое в современном кинематографе — детали, атмосфера, а не только слово. Сколько можно играть слово? Иногда ведь человек говорит одно, а в глазах у него другое — вот то, что мы называем подтекстом, десятый, десятый план. Как сыграть, например, Грушеньку в «Братьях Карамазовых», если играть только слово?

Тогда и образа-то не будет. Здесь нужны детали. А жить деталями мне не позволяют — не я же хозяйка на площадке. Может быть, чтобы раскрыть образ — именно образ, — мне важно, как героиня поднесла руку ко лбу, как тронула щеку, как в это время оглянулась. Нет, на меня ставят камеру, когда я говорю, а в данном случае мне слова не так важны...

Однажды у меня случился конфликт с режиссером из-за слова. В моей роли был интересный кусок — монолог, но написанный трудно, но написывается, жестким языком. Его можно было сыграть только на крупном плане, «отдекая» зрителя от неудачного текста взглядом, поворотом головы, мимикой и так далее. Но режиссер не согласился, снял меня общим планом, маленькой фигуркой, и на озвучивании заставлял играть именно слово, которое вообще невозможно было играть. У меня внутри все сопротивлялось, дошло до слез.

И говорю: «Почему же не сняли крупным планом?» — «Нельзя: в данный момент герой видит вас издали, общий планом...» — «Но тогда неоправданным был и крупный план в «Шестом июля» — речь Спиридоновой: ее тоже видели издали, из зала...»

Представляете монолог Спиридоновой, снятый общим планом? Остаются только слова, и я, актриса, демагогия Спиридоновой не сыграла бы: исчезла бы слега в словах, экзальтация... Я не могла бы сыграть отношение к образу, если бы меня лишили детали.

Короче говоря, слово — это литература, драматургия, а образ лепится еще и из других «кирпичиков»...

И к классике это тоже относится.

Г. КОЗИНЦЕВ. Вы знаете, Алла Сергеевна, наконец у нас нашелся предмет для спора: я не согласен с вами. Дело в том, что я не согласен, что слово не важно. Мне кажется, одна из наших бед заключается в том, что слово сами актеры сделали неважным и порой слышишь с экрана черт знает что, а не русский язык.

Слово абсолютно важно у Чехова, слово абсолютно важно у Шекспира. И мы разучились понимать, что слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

Мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего.

Конечно, под словом есть и глубина жизни, и действия, и психология, кто этого не понимает? Это элементарно. Но слово — это еще и музыка.

А. ДЕМИДОВА. Да... **Г. КОЗИНЦЕВ.** Начните с того, что откажитесь.

А. ДЕМИДОВА. Хорошо. А дальше?

Г. КОЗИНЦЕВ. Вам же не угрожает безработица!

А. ДЕМИДОВА. Я отказываюсь. А дальше что? Отказываюсь. Дальше?

Г. КОЗИНЦЕВ. Ничего. Воспитаете так, что вам предложат полноценный сценарий. Мне кажется, что среди многих горестей, которые испытывают сейчас актеры, одной нету: безработицы. Поэтому актеры сейчас завалены предложениями — и какими! — одни только детективы в пять серий, десять серий...

А. ДЕМИДОВА. Да, предложений много, но работать с актером надо иначе, потому что советский артист изменился. Теперь у актера, как и у режиссера, высшее образование, он разбирается в творческих вопросах, интересуется всеми проблемами современности, он также боится душой за общее дело — я имею в виду, конечно, «лучшие образцы». Только часто мне кажется, что никто не жалуется на безработицу; жалуется, что не находят общего творческого языка, жалуется на отсутствие доверия и равенства.

Г. КОЗИНЦЕВ. Ну вот, кажется, наконец, и могу выступить за цех режиссеров: мне кажется, у режиссера сейчас сложность положения заключается в том, что он имеет дело с актером, который одновременно снимается в трех картинах и приезжает на съемочный день, имея в голове две другие роли на двух других студиях.

А. ДЕМИДОВА. Это ужасно... Наконец-то мы стали говорить об общах, Григорий Михайлович. И я последнюю вам обиду скажу — я думаю, что вы тут даже со мной согласитесь... Вот получаешь роль — «белый лист» и не знаешь, с чего начать. Но в театре к костюму, к гриму и так далее приходишь к коню. Когда все уже наработано на многочисленных репетициях за месяцы работы. А в кино нужно сразу знать, какой грим, какой костюм, не зная характера. Это — один «ножницы».

Потом. Вы отлично знаете, как в гримерной не дают шить парики до утверждения актеров на роли. А как я докажу, что могу сыграть эту роль, если мне нужен другой парик? Мне другие волосы нужны, другой грим, мне нужно платье. Я вот сейчас в брюках к вам пришла, я могу положить ногу на ногу. А если бы пришла в длинном платье, то веда бы себя совсем по-другому: сидела бы с прямой спиной...

Понимаете? Это все диктует характер... Вы согласны со мной?

Г. КОЗИНЦЕВ. Абсолютно. Мне только кажется, что грим актер начинает с глаз. Для меня, если говорить об актере в кино, все-таки главное — глаза. Как загляни глаза, так и происходит самое интересное.

Мне трудно забыть глаза Ольги Кузнецовой в спектакле «Брат Алеша» Драгачевского театра на Малой Бронной. Именно в них была сущность героини Достоевского — и боль, и злость, и желание мучить других, и свои собственные мучения, и подо всем этим — тлеющая нежность...

Вообще, если говорить об актерском искусстве, то самое потрясающее, что я видел в мировом кино, — кадр из «Огней рампы». Когда Чаплин в роли клоуна Кальверо приходит после провала, на очень долгом плане снимает грим, и под ним проступает измученное лицо человека. Я не знаю, сколько длился этот план — натедесят метров или больше, но мне показалось, что он длился бесконечно долго. В нем было все: и трагедия возраста, и трагедия художника, бесконечно много, гораздо больше того, что можно было рассказать словами. Все это было в глазах...

Г. КОЗИНЦЕВ. А не стоит ли начинать с того, что когда вам предлагают подобную роль, скажите... Ведь вы — очень хорошая актриса, и, естественно, у режиссера, который вас приглашает, есть уверенность, что роль будет хорошо сыграна. Скажите: «Я эту роль буду играть, если текст переделают». Вот хорошо было бы...

А. ДЕМИДОВА. Как сказать, что именно переделывать, когда я еще не знаю, как буду играть роль? Когда еще не знаю, какой у меня будет характер, какие привычки, когда еще не вижу этого человека? Когда еще не знаю, с чего начать...

Г. КОЗИНЦЕВ. Могу я вам дать совет, Алла Сергеевна?

А. ДЕМИДОВА. Да, конечно.

Г. КОЗИНЦЕВ. Могу я вам дать совет, Алла Сергеевна?

А. ДЕМИДОВА. Да, конечно.

Г. КОЗИНЦЕВ. Могу я вам дать совет, Алла Сергеевна?

А. ДЕМИДОВА. Да, конечно.

Г. КОЗИНЦЕВ. Могу я вам дать совет, Алла Сергеевна?

А. ДЕМИДОВА. Да, конечно.

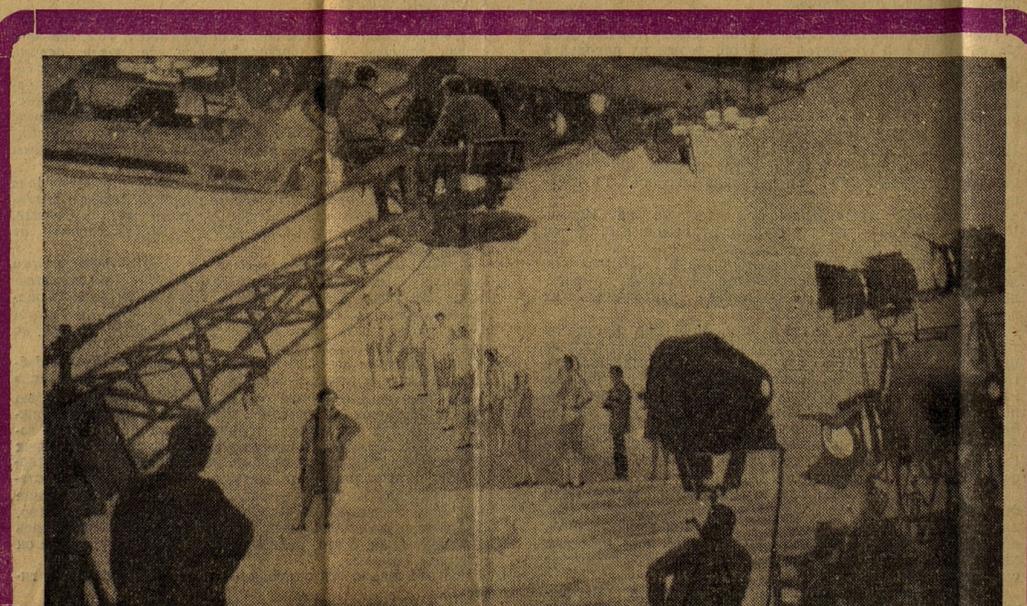
Г. КОЗИНЦЕВ. Могу я вам дать совет, Алла Сергеевна?

А. ДЕМИДОВА. Да, конечно.

Г. КОЗИНЦЕВ. Могу я вам дать совет, Алла Сергеевна?

А. ДЕМИДОВА. Да, конечно.

Г. КОЗИНЦЕВ. Могу я вам дать совет, Алла Сергеевна?

Запись диалога и фото Г. ЦИТРИНЯКА